

В современных исследованиях о сознании обыденная реальность постепенно теряет самодовлеющее значение. Становится понятным, например, что в мифе, в котором живут несуществующие существа, мир населен «совершенно реально этими существами, которые вступают между собой во вполне осмысленные и логически стройные отношения. Это — мы в другом мире, и что считать заблуждением — это уже другой вопрос» (*Мамардашвили*, 1984, с.43). Все более интересными для исследования становятся вопросы о роли и функциях разных сфер необыденной реальности (*Абрамян*, 1979), их классификации (*Розин*, 1988), о их появлении в галлюцинаторных состояниях (*Блейлер*, 1927; *Вольперт*, 1966; *Гиляровский*, 1969), в состоянии клинической смерти (*Pennachio*, 1986; *Ring*, 1986; *Irwin*, 1987) и других особых состояниях сознания (*Glicksohn*, 1986).

3.4. Свойства и функции сфер реальности сознания

Вопрос о функциях сфер реальности тесно связан с вопросом об их иерархизации. Поскольку базовая реальность (сфера) сознания есть «само сознание» — она не имеет функций. Как уже говорилось, в современной западной традиции такой реальностью является обыденная реальность. Единственной целью Я в сфере ОР может быть лишь ее гармонизация, упорядочение, удержание «тела Я» (его физической и психической составляющих) в определенных границах. Остальные же сферы сознания (например, сновидение) приобретают функции по отношению к этой цели: от полной ненужности (сновидение как хаотическая проекция раздражения органов чувств на субъективный экран) до стержня, организующего саму обыденную реальность (функция организации). Первая, наиболее часто выделяемая функция необыденных сфер сознания — это осуществление нереализованных желаний. Согласно этой идее, значительная часть потребностей и желаний, составляющих «психическое тело Я», не могут быть удовлетворены в рамках обыденной реальности в силу ее жесткой, заданной извне структуры. Поскольку НР свободна от этих ограничений, в ней и происходит реализация этих желаний; в ходе ее те преобразования независимой реальности, которые запрещены в сфере ОР, замещаются преобразованиями зависимой реальности. Иными словами, в фантазии, сновидении, искусстве человек «творит мир» в соответствии со своими потребностями. Фрейд одним из первых в психологии ввел термин «психическая реальность», разумея под

ним необыденную реальность сновидения и невротических фантазмов (*Фрейд*, 1922)². Одну из важных функций сновидения Фрейд (вслед за Шернером, Фолькельтом и др.) видел в сублимации желаний, «запрещенных» в обыденной жизни и вытесненных в бессознательное. Особенно ярко эта функция проявляется в сновидениях детей, которые носят реалистический характер и построены как прямое удовлетворение нереализованных потребностей. В сновидениях взрослых сублимация желаний (в особенности либидозных) сохраняется, однако из-за присутствия символизации (сгущение, сближение, смещение, превращение и др.) она выражена не столь непосредственно. Продуктом сублимации нереализованных желаний Фрейд считает и другие виды необыденной реальности: невротические фантазии и игру детей.

Теория игры как способа удовлетворения ребенком желания участвовать в жизни взрослых весьма популярна в детской психологии (*Эльконин*, 1978). Розин видит основную функцию необыденной реальности (сновидения, фантазии, искусства) в реализации «блокированных программ», не получивших осуществления в обыденной жизни и ушедших в бессознательное (*Розин*, 1988). На этой функции фантазии некоторые авторы основывают свою интерпретацию причин массовых галлюцинаций (например, видение воскресшего Иисуса — см. *Косидовский*, 1977), эффективность «шаманской медицины» (*Леви-Стросс*, 1985) и другие феномены «материализации желаний».

Некоторые исследователи наделяют свойствами необыденной реальности пространство и время, в которых происходит процесс психотерапевтического воздействия, когда опора на статистические закономерности уступает место необратимому воздействию «здесь и теперь» (*Василюк*, 1988; *Пузырей*, 1988; *Эткинд*, 1987). Только с выходом из сферы обыденной реальности индивид может перестроить иерархию ценностей, сложившуюся в его сознании, и принять факты внешнего мира, для которых нет места в старой структуре субъективности. Если психотерапевт и пациент в совместной работе рожают новые элементы субъективности, то в технике самовнушения и аутотренинга такая перестройка субъективности осуществляется самим субъектом. В этом случае вполне очевиден

² Наш термин «реальность сознания» отличается от термина «психическая реальность» тем, что его содержание не исчерпывается только психической сферой, а включает в себя и физический, и социальный миры.

факт «самопорождения» реальности, то есть функционирования сознания, опирающегося на магическую причинность и неперманентность объектов. Особая чувствительность НР сознания к скрытым от моего Я саморазличиям (потребностям и мотивам) обуславливает вторую, проективную функцию. Для демонстрации этой функции Фрейд использовал вербальную фантазию (метод свободных ассоциаций) — сферу реальности, не скованной логическими связями и стереотипами обыденной жизни. Проективны по Фрейду и сновидения, и невротические фантазии (Фрейд, 1922; Flanagan, 1995). Отсюда, как известно, берут начало современные проективные техники типа Роршаха, ТАТ и т.п., а также опосредствованно связанные с ними методы психосемантики (Петренко, 1997) и другие методы исследования личностных смыслов (Асмолов и др., 1977; Леонтьев, 1999).

Интересно, что Фрейд, рекомендовавший читателям систематически заниматься анализом собственных сновидений в целях самопознания, связывал проективную функцию сновидений с функцией «предзнаменования», которую сновидения имели в сознании древних (Фрейд, 1924). В свете того, что в сновидении (и других областях НР) проявляется скрытое содержание Я (потребностей, мотивов, интенций), такая связь понятна, так как указанное содержание, несомненно, вносит вклад в поведение человека. Но ведь прогностическая функция сновидений распространялась и на «внешний мир». Оправдана ли подобная экспансия прогностической функции сновидений (фантазий) в область независимой реальности? Если полагать, что скрытое содержание сознания не сводится только к аффективно-мотивационному наполнению, но включает в себя и «скрытое знание» — то да. Ведь очевидно, что процесс понимания, например, осуществляется до того, как он проникает в поле «ясного сознания», то есть на уровне рефлексии и вербально-формулированного выражения. А это значит, что уже «имеющееся», но еще не «сформулированное» знание может находить выражение в сфере фантазий и сновидений. Не этим ли объясняется тот очевидный факт, что объективное содержание детского рисунка (или детской игры) гораздо богаче не только его «знаково-выраженного» содержания, но и ранее полученной ребенком «информации»? Об этом же говорят факты интуитивного познания, обнаруженные в исследованиях творческого мышления (Пономарев, 1960). Третья важнейшая функция НР сознания основана на том, что в этой сфере возникают и существуют особые объекты, не имеющие аналогов в чувствен-

ном мире. Это коллективные и индивидуальные фантазии, получившие статус реальности в мифе, религии, искусстве, детском фантазировании и игре. И если соответствующие этим объектам логические корреляты — знаменитые кантовские «регулятивные идеи» мира, бога, субъекта, идеальные объекты науки («идеальный газ», «идеальный двигатель»), не имеющие аналога в чувственной сфере, все же принадлежат к обыденной реальности сознания, то образное воплощение этих идей возможно лишь в реальности необыденной. «Бог», «красота», «добро» существуют в индивидуальном сознании не как «логические идеи разума», а как реальные персонажи сказки, мифа, произведения искусства или сновидения. Внешне «бесполезные», они организуют обыденную реальность, дают субъекту масштаб, в котором находят свое место вещи, поступки и мысли обыденной жизни. Эта образно-конструктивная функция необыденных сфер сознания, обойденная вниманием основоположников рационализма, была обоснована в работах по истории религий, теории искусства, детской игре. Для ребенка взаимоотношения сказочных персонажей, их характеры («добрая фея», «злой волшебник») — не просто «примеры», а «меры»; скорее это мы — «персонажи» обыденной жизни — «примеры», частные случаи добра и зла, слабости или силы. Персонажи сказки «не изображают, а через свои элементы изображения чего-то призрачного, невидимого, сказочного конструируют... Если вы привяжете ребенка и не дадите ему играть и фантазировать, то вы не получите в итоге из этого ребенка человеческого существа» (Мамардашвили, 1984, с.61). Наконец, в сфере НР человек может переживать состояние экстаза — чувства высшей гармонии, наполненности, совершенства, непосредственной причастности к основам мира. В сфере обыденной реальности такие состояния практически невозможны, поскольку человек отгорожен от мира пленкой организованной субъективности и мир выступает для него как «чужое» и «внешнее». По мнению А.С.Арсеньева, преодоление этой отгороженности, ощущение прямой связи с миром, с бесконечным возникает в состоянии религиозного экстаза, катарсиса, мистического созерцания, эстетического восприятия или в результате приема наркотических средств (Арсеньев, 1980). Можно предположить, что погружение человека в сферу необыденной реальности (фантазия, сновидение, игра), освобождая его от скованности пространственно-временными и каузально-вещными ограничениями, от «спроецированности» в локальный, эмпирически ограниченный участок бытия, дает ему ощу-

щение свободы и непосредственной связи с универсумом и связанное с этим чувство силы и всемогущества. Вырываясь за рамки неумолимой цикличности обыденной реальности и ее удручающего однообразия, человек периодически восстанавливает необходимое ему чувство своей ценности и значимости (Freud, 1908/1995)³. В состоянии ослабленного (но не полностью уничтоженного) сопротивления обыденной реальности, наше Я с наибольшей ясностью ощущает свое сущностное состояние — работу творческого синтеза — обретая новые силы для того, чтобы продолжать и выдерживать обыденное существование. Это позволяет выделить в НР «освобождающую», или «восстановительную», функцию. Обратимся теперь к более подробному рассмотрению отдельных реальностей сознания.

Глава 4. Структура обыденной реальности

4.1. Усилие разграничения и логические миры

Как уже говорилось, сила, действующая в нашем Я, имеет своим основным продуктом разграничение зависимой и независимой реальностей. Будем называть эту силу «усилием разграничения». Выяснилось также, что структура субъективной реальности зависит от степени этого усилия: для того, чтобы присущие нашему Я априорные формы чувственного созерцания (пространство, объект, время, причинность) и рассудочного обобщения обнаружили свое действие и те свойства, которыми они обладают в классической научной картине мира, необходим определенный уровень усилия разграничения. При ослаблении этого усилия грань между зависимой и независимой реальностями теряет четкость, а вместе с ней изменяются способы проявления априорных форм и структура субъективности в целом. Напомним также, что были выделены три возможных логических модели этой структуры: одномерный, двухмерный и трехмерный логические миры. Мы полагаем, что то, какой из вышеописанных структур обладает реальная субъективность, определяется степенью усилия разграничения, а именно: усилию первой степени (наиболее слабому) соответствует субъективность одномерного солипсистского мира, более сильному — субъективность, описываемая двухмерной моделью; и, наконец, усилие третьей степени (наиболее мощное) порождает субъективность, описываемую трехмерной моделью. Как было показано, в рамках одномерной модели весь мир представляет собой продукт усилия Я, зависимую реальность, существующую только на «острие» этого усилия. В двухмерном мире часть силы Я отчуждается от него, как бы «проталкиваясь» в объекты, придавая им самостоятельность и индивидуальность. В этом мире априорные формы проявляются уже во вполне узнаваемом виде: это мир стабильных объектов, существующих во времени и пространстве

³ Возможно, именно неспособность использовать необыденные реальности (воображение, сновидения, восприятие искусства, игру) для этой восстановительной функции сознания делает некоторых людей особенно уязвимыми для алкоголя, наркотиков и других искусственных форм создания «виртуальных реальностей» (см. Носов, 2000).